

СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ»

ТАЙНА ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНИ
ТИШИНА СТАРОГО КЛАДБИЩА
ХОЗЯИН ГИБЛОГО МЕСТА
ПРОКЛЯТИЕ ПРАЖСКОЙ СИНАГОГИ
ГАЛЕРЕЯ ПОСЛЕДНИХ ПОРТРЕТОВ
ГОРОД МЕРТВЫХ ОТРАЖЕНИЙ
МЕСТЬ КРОВАВОГО ЖНЕЦА
ГОРОД ЗАСЫПАЕТ, ПРОСЫПАЕТСЯ МАФИЯ
ПРИЗРАКИ БЕЛЫХ НОЧЕЙ
ХОЛОД ТУМАННОГО ЗАМКА
ДОМ БЕЗЛИКИХ ТЕНЕЙ
ДОРОГА НЕСБЫВШИХСЯ СНОВ
ИЛЛЮЗИИ ЧИСТОГО ХОЛСТА

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. НОВЫЕ СТРАНИЦЫ»

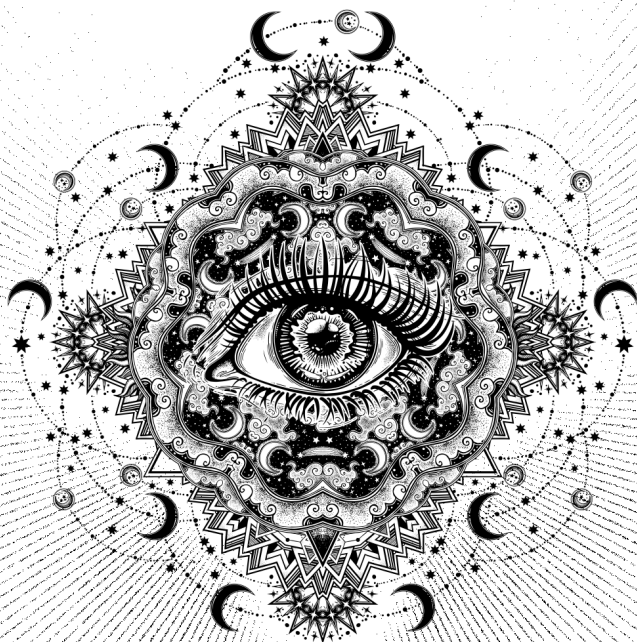
СОТКАННАЯ ИЗ ТУМАНА
ЧУДОВИЩ.НЕТ
НЕНАСТОЯЩИЕ
ДОБРОВОЛЬНО ПРОКЛЯТЫЕ
МЕРТВЫМ ВХОД РАЗРЕШЕН
ЛУКАВЫЙ МОРОК
ЧЕРНАЯ ДАМА
ПАМЯТЬ КАМНЯ
ЗАПЕРТЫЕ ВО ТЬМЕ
ТЕНЬ ЗА МОИМ ПЛЕЧОМ
ЛОВУШКА СБЫВШИХСЯ КОШМАРОВ

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. ИКС-ФАЙЛЫ»

ИСЧЕЗАЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ
ИСЧЕЗАЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ. ДАР
ИСЧЕЗАЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ. КОЛЬЦО БЕССМЕРТНОЙ

Наталья Тимошенко
Лена Обухова

ЛУКАВЫЙ МОРОК

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Иллюстрация на переплете *Ивана Иванова*

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41   Лукавый морок / Наталья Тимошенко, Лена
Обухова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-196362-0

Серия странных самоубийств вновь собирает команду ИИН. Расследование приводит их в загородный комплекс, где в одном из домов год назад погибли десять ничем не связанных между собой людей. Известно лишь, что перед смертью они не спали несколько суток. Взявшись за дело, никто из команды не мог представить, что им тоже придется лишиться сна. Но так ли легко оставаться наедине со своими секретами и переживаниями круглые сутки и вести расследование? Команду ИИН ждут несколько тяжелых дней.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196362-0

© Обухова Л., Тимошенко Н., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пролог

28 октября 2016 г., 21.30

г. Москва

К вечеру, уже после заката, поднялся сильный ветер, резко опустивший температуру и превративший прогулку в мучение, но Вика продолжала бродить по городу до тех пор, пока окончательно не выбилась из сил. Наверное, это был не лучший выбор: обилие свежего воздуха (насколько он может быть свежим на окраине Москвы) и физическая усталость обычно только провоцировали сонливое состояние, но так все равно было немножечко легче, чем сидеть в душной квартире, слоняясь из угла в угол. А ночью в любом случае будет нелегко. Но ничего, она прорвется.

Лифт громыхал, скрежетал и дергался, как припадочный, но Вика только последнюю пару дней обращала внимание на то, что это выглядит странно и страшно. Восприятие обострялось: раньше она едва осознавала тот факт, что ездит на лифте, и ей было все равно, как он работает. Теперь, пожалуй, она присоединится к инициативной группе жильцов, требующих от управляющей компании замены.

Остановившись на нужном этаже, кабина снова дернулась и, наконец, милостиво выпустила ее. Вика вошла в общий коридор, на ходу доставая ключи из

кармана куртки. Пальцы за время прогулки успели озябнуть (перчатки до первого снега она редко надевала), а потому плохо слушались. Связка ключей выпала, шлепнулась на пол с громким звоном. Вика чертыхнулась, наклоняясь за ней.

А когда выпрямилась, вздрогнула: у дверей соседней квартиры стояла пожилая соседка, которую она не заметила сразу. Женщина стояла лицом к двери, то ли дожидаясь, когда ей откроют, то ли вспоминая, куда дела ключи. Вике пришло в голову, что она очень давно не видела эту бабульку, даже, грешным делом, решила, что та померла. Ан нет, бежит еще.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась Вика, гремя ключами и выбирая нужный.

Старушка медленно и как будто удивленно обернулась к ней.

— Добрый вечер... — прошелестела едва слышно и немного неуверенно, как будто не узнавала.

Она выглядела растерянной, дезориентированной, и Вика в последний момент придержала собственную, уже открывшуюся дверь.

— У вас все в порядке? Помощь не нужна?

Соседка покачала головой и снова повернулась к своей двери. Нет, она определенно выглядела странно, но Вика решила удовлетвориться ее ответом. Гуру сказал: «Никогда и никому не навязывайте свою помощь, подождите, пока вас о ней попросят». Вике эта мысль понравилась. Если что, она спросила, ей ответили. Вопрос закрыт.

Уже запирая дверь за собой, она вдруг подумала, что присказка «если что» звучит довольно странно

и даже немного нелепо. Что «если что»? Чем больше думаешь об этом, тем щекотнее становится в мозгу. Как перышком по носу водить.

Подивившись этой странной ассоциации, Вика отбросила посторонние мысли в сторону, прошла в гостиную и включила стереосистему. Дрогнули мембраны колонок, по квартире разнесся тяжелый рок. Или металл. Или что-то еще: Вика не особо разбиралась в нюансах музыкальных направлений. Сейчас ей было важно, чтобы музыка звучала громко и раздражала.

Не спать!

Все тело ломило, тянуло прилечь, но она отправилась в ванную и встала под душ. Сначала мало-душно включила горячий, чтобы согреться после прогулки, но постепенно выкрутила ручки смесителя так, чтобы вода стала бодряще-прохладной.

Снова замерзнув, выбралась из ванной. Когда шум воды стих, стало слышно все еще громышающую музыку. Вика приоткрыла дверь, чтобы звук доходил лучше, и даже принялась немного пританцовывать.

Резкий грохот — не относящийся к музыке — раздался так неожиданно, что она выронила полотенце, которым вытиралась. Сердце, чутко реагирующее на любой раздражитель, моментально ускорилось.

Грохот повторился, и на этот раз стало очевидно, что кто-то из соседей долбит в стену. Музыка им, что ли, не нравится?

Вика поспешно закончила вытираться и натянула одежду. Когда она добралась до комнаты, в стену застучали в третий раз.

— Да ладно, ладно! — раздраженно крикнула Вика в ответ, выключая стереосистему.

Бросила быстрый взгляд на часы: стрелки еще не доползли до одиннадцати, а завтра вообще суббота! Она вполне могла бы еще немного пошуметь, но не стала. Ей показалось, что стучали именно в ту стену, за которой жила старушка. Ничего себе сила: так долбить...

Вика взъерошила мокрые волосы и пошла на кухню, растирая саднящие глаза. Нет-нет, не спать! Ни в коем случае... Проходя мимо зеркала в полный рост, висевшего на стене в прихожей, она притормозила, глядя на свое отражение.

Как странно: она ведь смотрела на себя в зеркало каждый день на протяжении тридцати семи лет (ну ладно, чуть меньше: в раннем детстве не смотрела), а теперь совсем себя не узнает. Как будто сквозь знакомые черты проступает что-то новое и одновременно — чужое.

Или просто она теперь замечает то, чего не видела раньше? Это... пугало.

Вика стиснула зубы и взяла с тумбочки мобильник, направила глазок камеры на отражение и, стараясь смотреть своему двойнику в глаза, сделала фото. Селфи, как принято теперь называть. Проверив результат, сунула телефон в задний карман джинсов и продолжила путь на кухню — варить большую порцию очень крепкого кофе.

Молотого, конечно, не оказалось, и, снова тихо выругавшись, Вика принялась насыпать зерна в кофемолку. Они рассыпались, когда из-за очередного

громкого стука — последовательности из трех ударов, как и прежде, — рука дрогнула.

— Теперь-то чего? — крикнула Вика раздраженно, возведя глаза к потолку.

Может быть, это изначально не ей стучали, а просто кто-то из соседей на ночь глядя затеял какие-то работы? Вот только что можно делать с такой периодичностью: по три удара раз в несколько минут?

А может быть, такие звуки и шумы тоже были всегда, но раньше она их не замечала? Она столько всего не замечала, пока жила не одна... Раньше все было иначе: почти всегда работал телевизор, который отвлекал и словно пеленой прикрывал другие звуки. Надо бы его включить и посмотреть.

Вика так и сделала, как только сварился кофе. Накидав на тарелку еды, она отправилась в комнату и устроилась на диване. Долго щелкала пультом, меняя каналы. Вот парадокс: каналов стало столько, что она даже не помнит их точное количество и половину названий, а смотреть все равно нечего. На втором круге выбор пал на какое-то бодрое иностранное кино: там ярко светило солнце, играла музыка, веселились молодые люди. Что-то подсказывало, что кончат они плохо, но на какое-то время точно отвлекут.

Кофе был горячим и терпким, но уже не таким вкусным, как пару дней назад. Фильм мелькал перед глазами яркими картинками, но совершенно не цеплял сознание. В какой-то момент Вика поймала себя на мысли, что окончательно перестала понимать, что происходит на экране, а потом вдруг осознала, что у нее закрыты глаза.

Она дернулась так резко, что лежавшая на коленях тарелка — к счастью, уже пустая, — упала на пол, громыхнув, а стоявшая на ней чашка попыталась покатиться, но быстро зацепилась ручкой.

Сердце испуганно заколотилось, адреналин выплеснулся в кровь, а Вика подскочила на ноги и хлопала ладонями по щекам, сбрасывая остатки сонливости.

Она уснула? Не может быть, чтобы она уснула! По телевизору шла реклама, и было непонятно, много ли из фильма Вика пропустила. Да она все равно не поймет: совсем не вникала в сюжет.

Нет, не могла она надолго уснуть, наверняка просто прикрыла глаза дольше, чем следовало, может быть, слегка задремала. Слегка! Это не считается, наверняка не считается...

Снова послышался раздраженный стук, но на этот раз он прозвучал совсем иначе. Наверное, теперь возмущаются соседи снизу: за упавшие тарелку и чашку. Бьют по батареям, потому звук идет от зашторенного окна.

Вика наклонилась за посудой и отнесла ее на кухню, на этот раз почему-то стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале в прихожей. Только когда она ставила тарелку и чашку в раковину к стопке другой грязной посуды, ей вдруг пришло в голову, что звук не был похож на стук по батареям. Скорее, на стук по стеклу.

Она нахмурилась и медленно вернулась в гостиную, напряженно поглядывая на плотные шторы. Стук повторился, и теперь Вика уже не сомневалась, что стучат костяшками пальцев о стекло.

Но кто может стучать в окно квартиры на восемнадцатом этаже? Балкона здесь нет, для промышленных альпинистов, которых на ее доме отродясь никто не видел, в любом случае слишком поздно и темно.

«Птица, — решила Вика. — Это должна быть птица».

С этой мыслью она смело подошла к окну и резко раздернула шторы, потому что страхам нельзя позволять пускать корни в сознание.

Не помогло. Едва выглянув на улицу, Вика громко заорала и шарахнулась назад. За окном не было птицы, зато в воздухе болталось страшное лицо, практически чудовищная морда с горящими, как красные угольки в костре, глазами. Монстр скалил зубы (или просто не имел губ, которые прикрывали бы клыки) и тихо рычал. Это было слышно даже сквозь тройной стеклопакет.

Крик Вики быстро оборвался: в легких кончился воздух, а горло сдавило с такой силой, что сделать вдох никак не получалось. А *оно* снова постучалось, просясь войти. Вика попятилась назад, ударилась спиной о дверной косяк и с трудом заставила себя выйти из гостиной: горящие алым глаза не хотели отпускать.

На кухне она быстро опустила жалюзи и снова принялась загружать кофеварку, дрожа всем телом и просыпая молотый кофе на пол.

Так не должно быть! Это похоже на кошмар, но она ведь не спит!

На обеденном столе валялись наушники-затычки со спутанным проводом. Вика схватила их, с трудом

и ругательствами распутала и вставила в уши, на телефоне включила бодрую музыку. Вот так: и соседям не мешает, и сама не уснет.

На этот раз не стала разбавлять кофе молоком, насыпала только две ложки сахара и немного «зависла», выбирая место за столом. Садиться лицом к окну не хотелось, спиной — тем более. Компромиссным вариантом оказалось сесть боком.

Рука, подносящая чашку ко рту, все еще немного дрожала, нос шмыгал, глаза щипали слезы. В ушах гроыхала музыка и орал, надрываясь, сиповатый певец. Но когда композиция кончилась, а следующая еще не успела начаться, сквозь наушники снова прорвался приглушенный стук в окно. На этот раз наверняка кухонное: из гостиной просто не было бы слышно.

Вика закрыла глаза и до боли прикусила губу, чувствуя, как по щекам потекли слезы. Но голову в сторону окна так и не повернула.

Глава 1

29 октября 2016 г., 10.06

г. Москва

Уже чуть больше года жизнь Владимира Дементьева складывалась так, что он постоянно переезжал с места на место, часто не высыпался, а потому порой по утрам тратил почти целую минуту на то, чтобы сообразить, где он на этот раз и почему тут находится. Проблем с определением своего местоположения не возникало разве что дома — там все было слишком знакомо — и здесь. То ли невероятно удобный матрас делал это место для него таким узнаваемым, то ли едва уловимый запах женщины, живущей в этом доме.

Так или иначе, а когда настойчивая вибрация оставленного на прикроватной тумбочке смартфона все-таки вырвала его из объятий сна, Дементьев сразу сориентировался, где находится и что тут делает. Тем страннее оказалось услышать в трубке голос шефа: тот, конечно, никогда не брезговал звонками субботним утром, но буквально накануне обедал ему спокойный уик-энд.

— Володя, ты же в Москве? — без особых предисловий и расшаркиваний поинтересовался Войтех Дворжак, по привычке слегка растягивая гласные на чешский манер.

— Угу, — сонно промычал Дементьев, не открывая глаз. Он понятия не имел, который час, потому что на звонок ответил исключительно на ощупь. Ему самому казалось, что еще безбожно рано, но он уснул очень поздно.

— Мне жаль, но придется нарушить твои планы. Тут кое-что возникло. Экстренное. Команда уже собирается выезжать, но им нужно время, чтобы собраться, поэтому тебе придется начать без них.

Сонливость моментально слетела. Дементьев перевернулся на спину и открыл глаза, уставившись в белый потолок недовольным взглядом, как будто тот был виноват в таком неуместном утреннем звонке шефа.

— Дворжак, мы же вчера договорились! Я ведь не прошу много, всего лишь одни спокойные выходные без авральных срывов ради очередной пустышки или конца света. Всего. Одни. Выходные. Это так трудно? Я же не прошу внеочередной отпуск!

— Еще бы, — холодно обронил Войтех, ничуть не проникнувшись этой тирадой. — Внеочередной отпуск ты уже брал. И я тебя в него отпустил, между прочим. И не срывал тебя ни на какие расследования.

Дементьев поморщился. Тут любимый шеф, конечно, был прав, нечем крыть. Когда в июле у него внезапно завязались отношения с Ольгой и та ни с того ни с сего предложила поехать вместе отдохнуть к морю, Войтех вошел в его положение и продлил отпуск, хотя тот уже подходил к концу. И потом отпускал еще дважды примерно с той же целью, хотя обычно таким количеством свободных

дней никто в их Институте Исследования Необъяснимого похвастаться не мог. Правда, в то время сам Войтех еще находился в весьма гармоничных, можно сказать, выстраданных отношениях и стремился осчастливить аналогичным образом всех вокруг. Дементьеву же до недавнего времени с женщинами категорически не везло.

Он подивился тому, как резко все изменилось: теперь Войтех ходит с лицом человека, обреченного на скорую смерть, и без конца ворчит по поводу и без, а у него вполне здоровые отношения с постоянной женщиной. Ну насчет «здоровых» он, вероятно, загнул: не с его работой и не с характером Ольги говорить о подобном здоровье. Но зато отношения у них получились действительно достаточно гармоничные: она всегда рада его визитам, но не выносит долгого присутствия в своей жизни, а он и не может оставаться надолго, поскольку постоянно мотается с расследованиями по стране.

— Я бы не стал тебя дергать, — продолжил тем временем Войтех, — Долгов прекрасно справляется с обязанностями старшего следователя. Но дело срочное, а только ты уже на месте и можешь начать. Речь идет о жизни и смерти, поэтому мне не хотелось бы терять время.

Дементьев обреченно вздохнул, прикрывая глаза и мысленно хороня все свои планы.

— Как всегда. Ладно, чего уж там... Жги, Войтех Ладиславович. Кого спасаем на этот раз?

Еще с минуту он молча слушал краткую вводную информацию, стараясь не провалиться обрат-

но в сон. Войтех закончил предсказуемым заявлением о том, что уже выслал все эти данные Дементьеву на почту вместе с контактами обратившегося к ним лица.

— Да есть у меня его контакты, — отмахнулся Дементьев. — Я ж с ним общался в феврале, когда вся эта история с приложением крутилась. Карпов и тогда был нашим контактом в органах. Правда, насколько я помню, он был очень скептически настроен. Не ожидал, что однажды он сам к нам обратится.

— Очевидно, вы произвели на него впечатление, — хмыкнул Войтех. — В общем, свяжись с ним и переговори лично, пока остальные добираются. Я отправляю к тебе Долгова, Нева и Лилю.

— Класс, — фыркнул Дементьев, но больше ничего говорить не стал, считая, что Войтех и так должен понять. Только слепой мог не заметить, что между этими тремя с каждым месяцем возрастает напряжение. Там, где есть красивая женщина и двое заинтересованных в ней мужчин, рано или поздно жди беды. Особенно если у одного из мужчин преступное прошлое, а другой — практикующий темный маг.

Войтех бросил формальное «удачи» и на этом отключился. Дементьев повалялся еще пару минут, проверяя почту и присланные материалы, а потом заставил себя встать, натянуть джинсы и футболку и отправиться на поиски Ольги.

Вот уже много лет успешная писательница, она жила в просторном двухэтажном коттедже в поселке сразу за МКАДом, а потому «поиск» в данном

случае не был пустым преувеличением. Однажды Дементьев бродил по дому добрых пять минут, пытаясь ее найти, а оказалось, что она шутики ради притаилась в гостевой спальне.

В этот раз все оказалось гораздо прозаичнее: как это часто бывало по утрам, Ольга обнаружилась на кухне. Весьма милой особенностью их отношений было то, что она всегда с удовольствием готовила для него завтрак. Порой весьма замороченный, на взгляд самого Дементьева, который привык перебиваться с бутерброда на остатки холодной пиццы, заказанной накануне. Ольга же даже бутерброд умудрялась превратить в произведение искусства. В прошлый раз она, например, подала ему тост с размятым авокадо, лососем слабой соли и яйцом пашот, горячей лавой растекшимся сверху. Тогда у нее немало времени ушло на то, чтобы объяснить ему, что такое «пашот». Концепция яйца, которое варится в воде без скорлупы, не желала усваиваться в голове Дементьева.

Сегодня Ольге снова удалось его удивить, потому что на кухне пахло чем-то сладким и печеным, а на сервированной стойке, за которой они обычно завтракали, уже стояло блюдо с вафлями. То ли венскими, то ли бельгийскими — Дементьев никогда не умел их различать. Сама Ольга стояла над вафельницей, подозрительно стонущей и стреляющей ароматным горячим паром в разные стороны, с чашкой кофе в руках.

— Доброе утро, — улыбнулся Дементьев. Каждый раз, когда он ее видел, его тянуло глупо улыбаться.

Ольга повернулась и улыбнулась в ответ, из чего он сделал вывод, что сегодня она проснулась в хорошем расположении духа, потому что бывало повсякому. Порой ее явно что-то тревожило, чем она предпочитала не делиться, а он не хотел лезть с распросами. Не стоило в такой момент лезть к ней и с нежностями, пока она не перекрутит в голове свои невеселые мысли. Дементьев и не лез, уважая ее границы.

Однако сегодня ничего не мешало притянуть ее к себе для быстрого утреннего поцелуя. Ольга лишь укоризненно потерла рукой заросшую щетиной щеку, напоминая, что стоило бы сначала побриться. Дементьев только виновато пожал плечами, мол, не привык еще сразу бриться в выходной.

— Это вафли? — уточнил он, наблюдая, как она отставила чашку в сторону, открыла крышку вафельницы и принялась перекладывать ее содержимое на тарелку. — Что случилось с концепцией здорового питания и преимущественно белкового завтрака?

— Иногда нужно делать перерывы, — дернула плечом Ольга, наливая на раскаленные панели новые порции теста. — Кстати, там на столе стоит несладкая сырная версия. В сыре много белка.

— И еще больше жира, — изобразив ужас на лице, добавил Дементьев.

За что получил в ответ укоризненный взгляд.

— Хватит издеваться, — нарочито недовольно велела она, наверняка прекрасно понимая, что он просто передразнивает ее саму: ведь именно от нее Дементьев нахватался этой совершенно ненужной ему

информации. — Не всем так повезло с метаболизмом, как тебе. Каждый делает, что может.

— Ладно, извини, — он примирительно поцеловал ее еще раз: на этот раз в висок, поскольку она снова направила все свое внимание на вафельницу. — Я обожаю вафли. Так что всеми руками за разнообразие.

— Тогда бери кофе и садись. Еще минута — и я свободна.

Дементьев не заставил просить себя дважды. И к тому моменту, когда Ольга села на высокий табурет напротив него, поставив на стол тарелку со сладким вариантом вафель, он успел слопать одну сырную, посыпав ее мелко порезанным и зажаренным до хруста беконом.

— У нас есть какие-нибудь планы на эти выходные или ты устал и предпочтешь ограничиться ленивым барбекю в моем дворе?

Настроение сразу испортилось. О да, Дементьев жаждал ленивого барбекю в ее дворе. А еще лениво качаться на больших садовых качелях, сидя в обнимку и укутавшись пледами. Или лениво курить в маленькой беседке, потягивая глинтвейн и глядя на почти полностью осыпавшиеся деревья, мокрые после дождя. Пожалуй, ему впервые за много лет нравилась осень, хотя та уже перешла в самую отвратную свою стадию.

Они еще много чем могли бы заняться — ленивым и не очень, — не выходя за пределы ее участка. Их встречи были редкими и короткими, а потому никаких дополнительных атрибутов в виде походов в ресторан или кинотеатр никому из них

не требовалось. Ольга любила уединение, Дементьев, набегавшись на расследованиях, особенно сильно любил диван. И это делало их почти идеальной парой.

Если бы только не Дворжак со своим треклятым расследованием, возникшим из небытия!

— Тут такое дело, — виновато протянул Дементьев, сосредоточенно поливая вафлю кленовым сиропом. — В общем, мне шеф звонил, требует немедленно начать расследование. Так что накрылись выходные. Позавтракаю — и надо будет связаться с капитаном Карповым. Ты его, наверное, не помнишь, но он расследовал тогда дело о гибели приятеля Крыски и других.

Он оторвал взгляд от вафли и посмотрел на Ольгу. Та выглядела совершенно спокойной. Ни обиды, ни огорчения. Даже самому стало немного обидно, хотя она наверняка просто тоже старалась уважать его границы — важность и непредсказуемость работы.

— Значит, это расследование снова в Москве? — уточнила Ольга, глядя на него поверх чашки.

— Да. Если инициатор запроса Карпов, значит, происшествие в том же районе.

— Возьми меня с собой.

Просьба застала его врасплох. Пару раз Ольга уже оказывалась втянута в аномальные события, но радости по этому поводу не демонстрировала. В феврале, когда они и познакомились, она изо всех сил до последнего отрицала сверхъестественную природу происходящего. Пока на нее не напал демон. В июле просто выглядела очень напуганной. Даже собиралась сменить жанр, в котором писала, чтобы